

*ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

В НАШЕМ театре сейчас идет спектакль по произведению Шолом-Алейхема «Поминальная молитва». Начинается постановка совсем банально: выходит Теве-молочник — артист Леонов на сцену, достает бумажку из кармана и читает завещание: «Пусть в каждую годовщину моей смерти мой единственный оставшийся сын, а также мои зятья читают по мне поминальную молитву. Если читать ее у них не будет особого желания или время не позволит, или если это будет не соответствовать их отношениям с религиозными убеждениям, то они могут ограничиться тем, что будут собираться вместе и читать вот это мое завещание». Потом Теве прикрепляет послание к стенке, и оно краснокровяным пятном, как напоминание о потере людьми добрых чувств, утрате Бога, распятого ими, остается висеть там до конца спектакля.

— Некоторые люди говорят, что театр — это храм. Я так никогда не говорил. Потому что нужно быть необыкновенно нравственно высоким, чтобы служить в храме. Я понимаю — что интеллигенция, которая не производит ничего материального, должна, обязана выполнять свою миссию — рождать гуманные идеи, провозглашать добро. Но сегодня жизнь пошла такая, что пришлось время встать на колени и в театре, и покаяться. За свои и чужие грехи. Пора обратиться к Богу: «Господи, помоги нам всем, защити нас. Ты знаешь, я к Тебе никогда не обращался, так уж получилось, так воспитали нас. Но сегодня, сейчас, мне хочется, чтобы Ты выслушал меня и всех нас. Пусть будет у нас мир...»

— В деревне нашей с давних пор вместе жили, вместе работали русские, украинцы, евреи. Умирать, правда, уходили каждый на свое кладбище, но такой уж был обычай. Здоровались русские — шапки снимали, кланялись; евреи никогда шляпы не снимали. У русских в

церкви был поп, у евреев в синагоге — раввин. Русские отдыхали по воскресеньям, евреи не работали по субботам.

— Выше закона может быть только любовь, выше правосудия — милость, выше справедливости — прощение.

Я стал это особенно остро чувствовать, когда сам побывал в страшном переплете. Три с половиной года назад я умер и побывал на том свете. Просто не понятно, кто и почему меня вернул сюда. Люди гово-

нескольких местах к сердцу.

А моему сыну (он актер нашего театра и тоже был на гастролях) врач-немец сказал так: «От тебя зависит многое: зови Бога, моли Его, проси, чтобы Он оставил жизнь твоему отцу». И сын сидел возле меня девять суток и звал, просил, пел, разговаривал с Богом. На девятый день я открыл глаза: живой...

— А как было с Женей Евстигнеевым? Прекрасный человек, жест совершил Нико-

вал себе сердце, прямо на сцене умер. 41 год....

Через несколько лет подобное происходит еще с одним МХАТовским артистом — Добронравовым. Он играл царя Федора и тоже умер от инфаркта во втором акте прямо на сцене. Ему был 51 год. Актеры так вживались в жизнь героя, что жили их жизнью, их страданиями и, очевидно, не выдерживали.

Сейчас же я наблюдаю, как некоторые артисты стараются

челябинцам сюрприз: прислали им фотографии, снятые из космоса. Там были и детские сады, и места, где бомбы делают).

После одного спектакля в этом Челябинске подходит ко мне некий человек и говорит: «Мы знаем: у тебя три государственных премии, ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета»... Короче, ты нам нужен. У тебя валюта есть?» — «Нет, — говорю. — Откуда ж у меня ей

харов повесился, Пугачева задохнулась, а сумасшедший Евгений Леонов — на Чурсиной женился... Представляете парочка, высоченная Чурсина и Леонов — по горло ей? В фильме мы вместе снимались, так нас там как только не «подравнивали» — даже землю подкапывали под Людмилу. Несмотря на то, что у Чурсиной муж — сын Андропова, но народу хочется, чтобы она была со мной.

— Один молодой режиссер

юет самыми умными, образованными, интеллигентными. Часто становится не по себе, когда вновь пришедшие столь нелепно, просто оскорбительно отзываются о своих предшественниках. Но это показатель их духовности.

— Я счастлив, что сыграл в «Белорусском вокзале». Знаете, за этот фильм нам даже Ленинскую премию хотели дать. Но тогда все провалилось из-за неосторожности автора картины Андриуши Смирнова. Выступая на очередном партийном мероприятии (в зале тысячи делегатов, все в ордене!), он обронил одну лишь фразу, ставшую роковой: неправда, мол, что «Белорусский вокзал» к съезду подоспел, это съезд подоспел к фильму. Что тут началось? Смирнова тихонько вывели из зала. Секретарь МКП Гришин в телефонную трубку кричит: «Щенки! Гнать всех из Москвы!» Так фильм этот, а заодно и все мы попали в опалу. За границей ленту называли картиной о потерянном поколении. Действительно, в ней нет самой войны, залпов, но есть солдаты — хотя и раздавленные властью и жизнью, но все же держащиеся вместе.

Из главных героев «Белорусского вокзала» в живых остался только я один. Нет уже с нами Ильиши Гладиллина, Толи Папанова, Севы Сафонова. Поэтому с особыми чувствами я вспоминаю этот фильм, преклоняюсь перед солдатами той войны.

— В Нью-Йорке видел много улиц, названных именами знаменитых артистов Америки всех времен. Там нет пышных памятных досок — просто указывается имя актера и годы его жизни. Америка любит и помнит своих звезд. И наверно, это хорошая традиция — называть улицы именами великих артистов, которые некогда со всей душевной искренностью дарили людям частичку своего сердца.

Монолог записал
Анатолий СОЛОВЬЕВ.

Искренне ваш, Евгений Леонов

Сов. Беларусь. Минск 1992. - 10 с.

Большинство знакомых мне молодых белорусских актеров как творческий пример для себя называют имя Евгения Павловича Леонова. А потому и стал приезд этого великого артиста в Минск, его выступление в Альтернативном театре во время презентации совместного белорусско-американского предприятия «ДУПЛЕТ» праздником для актеров, пребывавших на этот раз в качестве зрителей.

Выступление-монолог — это не просто исповедь артиста Леонова. Личные моменты сливаются с литературными фрагментами, частные случаи из жизни соседствуют с оценкой глобальных проблем общества, а трагическое переплетается с иронично-шутливым. Возможно, для кого-то Евгений Леонов откроется с новой стороны.

рят — Бог.

Это было во время гастролей в Гамбурге. Пять дней, пять спектаклей — не трудных вовсе. Я сыграл четыре. Утром встаю — кашель, дышу как-то не так. Пришел врач, поставил диагноз — воспаление легких, аритмия. Меня привезли в клинику на рентген. Вылезая из кабины — и тут случился инфаркт. Я умираю. Все засуетились, подключили машины. Врачи три дня наблюдали за мной. Затем решили отключить приборы, и тут случился второй инфаркт, который посильней первого. Ну, думаю, все кончилось для меня в этой жизни. И сознание покинуло. Затем я оказался на операционном столе. Из ноги достали вену и кусочки ее пришили в

лай Губенко. Снял с министерского счета определенную сумму валютных средств, и Женя смог поехать на операцию в Англию. После обследования ему сказали, что два сердечных протока у него полностью отказали, а третий работает плохо. И Женя, узнав это, через два часа умер.

— Меня приобщил к подлинному искусству артист МХАТа и главный режиссер театра имени Станиславского, давний мой учитель Михаил Михайлович Яншин. Его игра была искусством высочайшего класса — добрая, гуманная, глубокая, исходящая от сердца. Такие люди обычно долго не живут. Гениальный артист МХАТа Хмелев играл Иоанна Грозного, была премьера, на куски «разор-

заниматься не только искусством, но и добыванием денег, бизнесом. Может быть, чтобы спастись от инфарктов? Хотя сомневаюсь. Обидно за них. Ведь у актеров, которые превращаются в деловых людей, часто становится не все в порядке с их творчеством.

— Вы представляете себе артиста Леонова президентом некоей фирмы? А такие предложения были.

Как-то раз приехали с гастроллями в маленький такой уголок коммунизма — не то Челябинск-60, не то Челябинск-65. Живут люди там прилично. Но все кругом в колючей проволоке, по краям вышки стоят с пулеметами — секретный объект. (К слову сказать, американцы однажды преподнесли

быть?» — «А ты переходи к нам в театр». — «Вы что, актерам в валюте платите?» — «Мы в Швецию ездим». — «Такой хороший театр?» — «Да нет. Наша биржа заключила со шведами договор: лес туда поставляем. А последний раз завезли к ним свой театр». — «Так это ж дело временное», — говорю. «Да нет, тайгу-то нашу всю не перепилишь»...

— В каком-то городе в какой-то театр пришел новый режиссер. Задумал ставить «Ромео и Джульетту»... в бассейне. Старых актеров разогнал, набрал в театр молодежь, заключил договор. Где-то подремонтировал бассейн, воду немного синькой подкрасили и запустили туда всех голыми. Там и Джульетта плавает, и Ромео рядом барахтается. Что вы думаете: некоторые зрители ходили на это купание по нескольку раз. А мне тошно от таких экспериментов.

— Я театральный актер, и театр мне всегда был роднее, чем кино. Но, знаете, и в работе киноартиста немало своих прелестей: народ тебя узнает. — В народе об актерах обычно рассказывают много необычных вещей. Сличенко зарезался, За-

сказал мне как-то: «Сейчас Эйзенштейн, Тарковский, Абуладзе никому не нужны. Ушло их время». Когда я посмотрел «Покаяние» Абуладзе, меня фильм ошеломил. И вот недавно мы встретились с автором, он мне говорит: «Миттеран приглашает меня к себе с «Покаянием» и другими фильмами». Ну разве не парадокс: у нас в стране этот фильм фактически провалился, не пошел на него зритель (исключая, может быть, несколько городов — Москву, Ленинград, Минск, Киев). На заграничных кинофестивалях — обратная картина: гран-при, гран-при...

А сам Абуладзе? В Грузии во времена Гамсахурдия его объявили предателем и чуть ли не врагом грузинской нации. СССР вскоре приказывает долго жить. У России своих забот полно. И талантливый мастер оказывается никому не нужным. Кто скажет: к чему приведет нас наше беспамятство?

— Наступили такие времена, когда каждый новый виток выносит наверх новых людей, в том числе и в режиссуре. К сожалению, как мне кажется, эти люди не всегда быва-